

ПАВЕЛ ЛЕОНИДОВИЧ ГОРЧАКОВСКИЙ

БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
СПРАВОЧНИК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОЛОГИИ РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХ

**Павел Леонидович
ГОРЧАКОВСКИЙ**

**Библиографический
справочник**

Издание третье, дополненное

Составитель *И. В. Братцева*
Авторы вступительных статей
Н. П. Архипова, М. А. Магомедова, С. Г. Шиятов
Автор очерков «Учитель, коллеги, друзья»
П. Л. Горчаковский

Екатеринбург
2006

УДК 58

Ответственный редактор *д.б.н. С.Г. Шиятов*

Утверждено к печати Институтом экологии
растений и животных УрО РАН

*Книга опубликована при поддержке гранта
НШ – 5551.2006.4*

Павел Леонидович Горчаковский. Биобиблиографический справочник/
Составитель И.В.Братцева; Авт. вступ. статей Н.П.Архипова, М.А.Маго-
медова, С.Г.Шиятов. — 3-е изд., доп. — Екатеринбург: Издательство
«Гощицкий», 2006. — 152 с.

ISBN 978-5-98829-009-4

Биобиблиографический указатель посвящен известному ученому-ботанику, экологу, знатоку растительного мира Урала, действительному члену (академику) РАН П.Л. Горчаковскому. В содержание этой публикации входят основные даты жизни и деятельности П.Л.Горчаковского, краткий очерк научной и педагогической деятельности, очерк о полевых исследованиях и научных экспедициях, в которых он принимал участие, хронологический указатель его трудов с 1940 по 2006 гг., а также вспомогательные указатели.

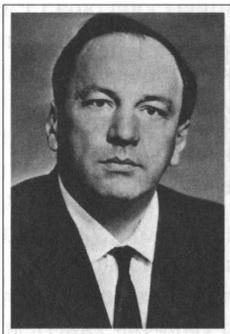
В настоящее третье издание под рубрикой «Учитель, коллеги, друзья» включена серия очерков П.Л. Горчаковского о В.Н. Сукачеве, С.С. Шварце и Н.В. Тимофееве-Ресовском.

Книга рассчитана на биологов, ботаников, экологов, географов и всех, интересующихся естествознанием и историей науки.

ISBN 978-5-98829-009-4

© Оформление. Издательство

«**ГОЩИКИЙ**», 2006

ПРОВОЗВЕСТНИК ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Апология экологии

*Т*еперь слово «экология» вошло в повседневный обиход, мы его ежедневно встречаем на страницах газет, слышим в радио- и телепередачах, его научились произносить и государственные деятели, и домохозяйки. Но в конце 50-х годов оно было в ходу лишь среди узкого круга специалистов, да и то не все из них считали, что такая наука имеет право на существование. Некоторые чиновники относились к слову «экология» настороженно: не очередное ли это порождение «загнившей западной цивилизации», вроде корпускулярной теории наследственности или кибернетики?

С.С. Шварц посвятил свою жизнь разработке теоретических основ экологии, показу ее значения, сфер приложения, ее роли в современном мире. Но когда он начинал свою деятельность, эта наука, во всяком случае у нас, была подобна джинну, загнанному в бутылку: время ее всеобщего признания еще не пришло. Своими трудами, всей своей деятельностью Шварц способствовал выработке нового экологического мышления в нашей стране.

Интеллигентность

Пытаясь определить одним словом характерные черты С.С. Шварца как личности, я не нахожу более удачного эпитета: он был интеллигентом в полном и лучшем смысле этого слова. Это качество не пришло к нему от Бога — он развил, взрастил его в себе, осваивая духовное наследие прошлых поколений, общаясь с интересными людьми, увлеченными, как и он сам, наукой.

В раннем возрасте он потерял отца. Оставшись вдовой с ребенком на руках, его мать, работавшая в то время машинисткой, приложила все силы к тому, чтобы сын получил хорошее образование. В Ленинградском университете студент Шварц удивлял профессоров тем, что не ограничивался слушанием лекций и чтением учебников, а штудировал в оригинале произведения классиков естествознания. Круг его интересов был очень широк. На протяжении всей своей сознательной жизни он сохранил увлечение философией. Свободно владел немецким языком, неплохо знал английский и французский. Интересовался живописью, художественной литературой, историей.

На протяжении многих лет, не гнушаясь черновой работой, С.С. Шварц был исправным сотрудником «Реферативного журнала». Через его руки проходил огромный поток научной литературы. Поэтому он всегда был в курсе всех новинок и брал на вооружение достижения мировой науки, подхватывая новые идеи и обогащая арсенал фактических данных.

Но настоящая интеллигентность не ограничивается запасом знаний, это не только эрудиция. Прежде всего это бескомпромиссность в отстаивании истины, недопустимость сделок с совестью. Неожиданно судьба столкнула С.С. Шварца с Н.В. Тимофеевым-Ресовским. Тогда это еще не был легендарный «Зубр», прославленный в талантливой книге Даниила Гранина. В глазах общественности это был человек с сомнительной, а может быть, и запятнанной репутацией, невозвращенец, работавший в фашистской Германии, отбывавший наказание в исправительно-трудовом лагере. Крылатая фраза «у нас зря не сажают» в то время еще для многих оставалась аксиомой. И вот в 1955 году «Зубр», проработавший в течение нескольких лет на закрытом объекте, был переведен вместе с группой сотрудников в Институт биологии под начальство Шварца. Как должен был относиться к нему еще молодой и недостаточно опытный директор института, только начинавший свою административную карьеру?

На совещании по проблемам Севера (Свердловск).
Слева – С. С. Шварц, справа – автор. 1970 г.

Нельзя забывать об обстановке того времени. Зловещая тень Трофима Лысенко, шарлатана с высокими академическими званиями и огромным количеством правительственных наград, еще нависала над биологической наукой всей страны. Шварц не мог не помнить печальную судьбу одного из своих предшественников на директорском посту, основателя Института биологии УФАН, замечательного ученого и организатора науки, профессора Василия Ивановича Патрушева. После пресловутой «августовской сессии» ВАСХНИЛ 1948 года Патрушев был заклеен «вейсманистом-морганистом», снят с должности директора, долго находился без работы. Это потрясение подорвало его здоровье. Какую позицию следовало занять по отношению к «Зубру», которого справедливо считали одним из основоположников заклеенной классической генетики, и несправедливо — чуть ли не изменником Родины? Ведь он был в свое время на дружеской ноге с «самим» Морганом и «самим» Добжанским, апостолами хромосомной теории наследственности, о чем свидетельствовали групповые снимки, которые он охотно всем показывал. Тимофеев вел себя в институте, да и за его пределами совершенно независимо, часто выступал на ученых советах — в своей оригинальной манере, где изящество формулировок

и сложная «западная» научная терминология удивительным образом сочетались с чисто русским чертыханием. Он, не стесняясь, открыто называл «учение» Лысенко «невероятной чепухой».

Но Шварц сразу же распознал в «Зубре» крупнейшего, оригинально мыслящего, принципиального ученого. Он знал, чем рискует, но, проявив большое гражданское мужество, не только не притеснял Тимофеева-Ресовского, не одергивал его во время публичных выступлений, но и создал ему прекрасные условия для работы, буквально «тепличную обстановку», защищал его от нападок. Работая в институте, Тимофеев, не имевший даже документа о высшем образовании, заведовал лабораторией, руководил подготовкой аспирантов, редактировал и выпускал сборники трудов, организовывал в Миассово знаменитые коллоквиумы («трёпы», по его терминологии), куда съезжались из разных научных центров приверженцы настоящей науки, разъезжал по стране, выступая с лекциями в Душанбе, Ереване и Москве, преподавал в Уральском госуниверситете. Все это было возможно лишь при активной поддержке со стороны Шварца. Он же помог Тимофееву, преодолев массу рогаток и препон, защитить по совокупности работ в своем же институте докторскую диссертацию, причем защита превратилась, по словам одного из оппонентов, академика Л.А. Зенкевича, в подлинный «праздник науки».

Все это произошло лишь потому, что Шварц ценил ученых по их собственным заслугам, отмечая какие-либо конъюнктурные соображения. Этот же принцип он применял при комплектовании руководящего костяка института — заведующих лабораториями, подобрав на эти должности специалистов, способных возглавлять развитие отдельных научных направлений.

Гуманизм

Жизненный путь С.С. Шварца не был усыпан только розами; на нем было немало булыжников и колдобин. В самом начале Великой Отечественной войны, в 1941 году, он ушел из Ленинграда добровольцем на фронт, был ранен, провел в осажденном городе часть периода блокады, видел разрушения, страдания людей. Каждый сотрудник для него был не просто «винтиком» в служебном механизме, но живым человеком, с его невзгодами и радостями, достоинствами и недостатками. Как руководитель учреждения, Шварц был очень демократичен и доступен, к нему обращались все, независимо от звания и положения, как по служебным, так и по личным делам. Во время субботников — а их

было немало, многие сооружения на территории института были воздвигнуты силами сотрудников — Станислав Семенович был вместе со всеми, в простой рабочей одежде, с лопатой или носилками в руках.

Он не терпел склок и кляуз. Возникавшие иногда неполадки старался разрешить в самом зародыше, не давая им перерасти в конфликты, способные парализовать работу целых лабораторий. В этом отношении он служил примером для своих помощников и заместителей, и они сознательно или подсознательно ему следовали. В руководимом им институте он культивировал атмосферу демократизма, доброжелательности, взаимного уважения и поддержки. Сплоченность, творческий климат во многом определили успех работ коллектива.

Будучи тонким психологом, Шварц хорошо разбирался в людях и умел каждому сотруднику найти наиболее подходящее место в коллективе, где бы полнее раскрылись его способности. Пушкин писал: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». Но в «колеснице» Шварца, умело им управляемой, были и кони, и трепетные лани, кроты, верблюды и олени, и даже орлы, стремящиеся к заоблачным высотам, и все они делали полезное дело, не создавая помех друг другу. Станислав Семенович часто повторял девиз своего учителя, профессора П.В. Терентьева: «Работай сам и не мешай работать другим». Он был великим труженником.

Принципиальность

В истории любой науки неизбежно наступают такие моменты, когда после длительного накопления фактов создаются предпосылки для их обобщения. В это время, как принято говорить, идеи « витают в воздухе » — стоит протянуть руку, и их можно схватить (впрочем, все-таки нужно знать, когда и как это следует делать). Так произошло в начале 60-х годов с одним тогда еще новым, а теперь уже ставшим тривиальным, научным представлением. Как-то С.С. Шварцу вместе с одним сотрудником (назову его условно Л.С.) пришлось писать письмо в Академию наук по поводу структурных изменений в институте. И вот тогда-то они включили в письмо фразу, что в природе можно выделить несколько уровней организации живого. Л.С., не отличавшийся чрезмерной скромностью, захлебываясь от восторга и самоупоения, стал рассказывать на заседании ученого совета, как ему и Станиславу Семеновичу (по его словам, трудно сказать, кому из них первому, может быть, обоим одновременно) пришла в голову эта замечательная мысль. Но как раз в эти дни я получил из Института научной инфор-

мации для реферирования ксерокопию статьи одного американского ученого, опубликованной на английском языке, которая так и называлась «Концепция уровней интеграции в биологии». В ней с предельной ясностью развивалась идея о том, что в природе существует своеобразная иерархия уровней интеграции (организации) живого: молекулярный, организменный, популяционный, биоценотический. Когда я сказал об этом Л.С. и предложил ему ознакомиться с этой статьей, он страшно рассердился. Заявил, что статья его совсем не интересует и он знать не хочет ни статью, ни ее автора. Реакция Шварца была совершенно иной: он попросил дать ему статью, внимательно ее прочитал и на другой день, с улыбкой вернув ее мне, сказал: «Это чистейший плагиат!» (имея в виду, что вопрос разработан до него и Л.С. и об их авторстве речи быть не может). После этого Л.С. никогда больше не упоминал об уровнях организации живого. А Станислав Семенович, напротив, взял эту концепцию на вооружение, развивал и пропагандировал ее как в своих трудах, так и в выступлениях. Эта совершенно различная реакция двух ученых на одно и то же событие помогла мне раскрыть еще одну из отличительных особенностей С.С. Шварца и проникнуться к нему еще большим уважением. Ему было чуждо зазнайство, и в научных делах он был строго объективен. Впрочем, у него было достаточно личных заслуг, чтобы не приписывать себе чужие открытия.

Его детище

Шварц унаследовал от своих предшественников научный коллектив довольно неопределенного профиля. Формально он назывался Институтом биологии УФАН СССР. Но в то же время кавалерийские налеты и разгромы в духе «мичуринского учения» следовали один за другим. Менялись руководители. Каждый «уважающий себя» начальник, ничего не понимая в биологии, считал своим долгом дать «ценные указания» о перестройке работы. Многочисленные комиссии, в большинстве случаев некомпетентные, приходили к противоречивым и часто взаимно исключаящим друг друга решениям. Коллектив шараялся из стороны в сторону, не понимая, почему его вдруг заставляют заниматься то раздоем телок (чтобы они, позднее став коровами, давали больше молока), то борьбой с сорняками на колхозных полях. Не отставали и журналисты. В областной газете появилась разгромная статья об институте под названием «Пустоцвет». С.С. с горечью рассказывал о том, как журналисты, посещая, скажем, институт ядерной

физики, уходят оттуда, ничего не поняв, а потом пишут восторженные статьи, насколько, видите ли, сложны эти проблемы, что неподготовленному человеку в них не разобраться. Но когда они посещают биологическое учреждение и уходят, что-нибудь не поняв, они разыгрывают благородное возмущение: вот подумайте только, здесь занимаются какими-то заумными, непонятными проблемами, оторванными от жизни. В то время, с легкой руки Лысенко, почти каждый считал себя способным если уж не разбираться в биологических проблемах, то во всяком случае давать указания по этому поводу.

Став директором, Шварц принял смелое решение модернизировать институт, сделать его настоящим академическим учреждением. Он понимал значение теории, необходимость развития фундаментальных исследований. Глядя вперед по меньшей мере на 20 лет, он обосновал и внес предложение о придании институту строго определенного экологического направления. В 1966 году Институт экологии был формально утвержден. Это было первое в стране научное учреждение такого профиля. Коллектив института в то время насчитывал всего лишь 58 научных сотрудников, в том числе 3 доктора и 19 кандидатов наук. Он размещался в одном небольшом двухэтажном здании и нескольких домиках барачного типа. Сам Шварц сначала не имел даже отдельного кабинета, он сидел в небольшой комнате вместе с В.Н. Павлиным. Но уже в то время Шварц и его институт стали центром интеллектуального притяжения и формирования экологических идей. Интересно проходили заседания ученых советов, научные собрания, защиты диссертаций, совещания. Сюда охотно приезжали видные экологи из Москвы и Ленинграда: академик Л.А. Зенкевич, профессора Н.П. Наумов, В.И. Цалкин, А.Г. Банников, ученые из других научных центров страны.

С большим энтузиазмом принял Шварц Международную биологическую программу. Она была в основном экологической, и институт активно включился в ее разработку. Исследования проводились, главным образом, на стационаре «Харп», причем они способствовали концентрации усилий всего коллектива на решении одной крупной задачи, выработке общих методических подходов. В 1971 г. на Международном симпозиуме в Ленинграде с докладами выступили С.С. Шварц, П.Л. Горчаковский, В.С. Смирнов, О.А. Пястолова и др. Участники симпозиума, в том числе ведущие зарубежные ученые Л. Блосс, Ф. Виелголаски, Т. Росвал, высоко оценили вклад Института в разработку международной программы. Яркий след оставил также и проведенный в Свердловске в 1970 г. симпозиум «Продуктивность биогеоценозов Субарктики».

Так институт, еще не располагавший достаточной материальной базой, благодаря энергии С. С. Шварца и всего коллектива, быстро завоевал всесоюзное и международное признание, закрепил свои позиции в научном мире.

Журнал

Мечтой С.С. Шварца было создать не только институт, но и постоянный печатный орган всесоюзного значения. В 1970 г., в результате больших усилий и при поддержке всей научной общественности страны, был официально учрежден новый академический журнал «Экология». Его главным редактором был назначен С.С. Шварц, оставшийся на этом посту до последнего дня своей жизни. Журнал быстро завоевал всеобщее признание. С первого же номера и до настоящего времени он переводится на английский язык в США.

Журнал «Экология», несомненно, способствует прогрессу бурно развивающейся науки о биосфере, о взаимоотношении человеческого общества с природой и является знаменосцем борьбы за выживание человечества.

Институт сегодня

Основанный С. С. Шварцем институт теперь превратился в крупное научное учреждение всесоюзного и мирового значения. В его составе 13 лабораторий, два академика, один член-корреспондент, 31 доктор и 93 кандидата наук. В лабораториях трудятся ученики и соратники С. С. Шварца — В. Н. Большаков, П. Л. Горчаковский, В. Г. Ищенко, В. С. Смирнов, Л. М. Сюсюмова, О. А. Пястолова и др. В 1988 г. выделился в самостоятельное учреждение Институт леса. Многие молодые сотрудники в своей работе опираются на научное наследие С. С. Шварца, его идеи.

Созданная в институте С. С. Шварцем атмосфера творчества, научного поиска, сотрудничества и доброжелательности сохранилась до наших дней и служит залогом новых успехов.